

ВЕЛИКИЙ УСТЮГ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ПИТИРИМА СОРОКИНА

Крупнейший социолог нашего столетия, “социолог № 1”, - такие оценки дают Питириму Сорокину современные исследователи. Творческий путь автора более полусотни книг, множество статей и эссе - резко разделен самою судьбой и крутым нравом века двадцатого на два неравных периода, русский и американский, до и после отъезда в заграничное изгнание в 1922 году. Но и став классиком западной социологии, автором “Социальной мобильности”, “Кризиса нашего времени”, “Власти и нравственности”, написанных на английском языке в его американском обличии, Сорокин сохранял духовную связь со своей малой родиной, что на севере Европейской России. А его автобиографическую книгу “Дальняя дорога” можно, как это сделал социолог А. Липский, назвать американским переводом с русских мыслей, из-за чего обратный перевод на русский превращается в разгадывание гигантского ребуса с поисками “загадочной изначальности”...

“Все началось на севере Руси...” Это слова из начальной главы “Дальней дороги”. Питирим Александрович Сорокин родился 23 января (4 февраля по новому стилю) 1889 года в селе Турья Яренского уезда Вологодской губернии. Детство его прошло среди народа коми, к которому принадлежала мать Питирима, умершая, когда ему, среднему из трех сыновей, было всего пять лет. Отроческие годы прошли в странствиях, порой впроголодь, по родному краю: вместе с отцом, позже со старшим братом вели церковно-реставрационные работы. Любовь к церковной старине Севера, вместе с любовью к природе и людям, навсегда запала в юную душу. Затем последовали учеба во второклассной школе на родине, в церковно-учительской семинарии в Костромской губернии, участие в революционной пропаганде; первый арест, возвращение в село Римью, где жила сестра матери с мужем - ближайшие по смерти родителей родственники. Отсюда открылся Питириму путь в Петербург к высотам учености.

Второй родиной мыслителя и ученого стал Великий Устюг. Стал не случайно. Оттуда тянулись корни его рода, туда же возвращался он в переломные моменты жизни. Вот что писал Сорокин в

“Дальней дороге”:

“Мой отец, русский человек, родился и выучился ремеслу в Великом Устюге. Этот древний город играл важную культурную, религиозную и политическую роль в истории северо-восточной Руси.

Помимо всего прочего это был центр многих искусств и ремесел. Мой отец учился в одном из ремесленных цехов. Его диплом и нагрудный знак - голубой с золотыми буквами - торжественно удостоверяли, что “Александр Прокопьевич Сорокин - золотых, серебряных и чеканных дел мастер”.¹

В Великом Устюге жила и одна из сестер отца Анна с мужем Михаилом. “Дядя и тетя, - писал на склоне лет отставной профессор Гарвардского университета, - были простыми, но очень хорошими людьми. Они зарабатывали на хлеб хлебом, т.е. выпекая и продавая хлеб и пирожные в своей палатке на городском рынке. Их доходы были весьма ограничены, но достаточны для удовлетворения скромных потребностей. Оба они были традиционно религиозными, честными и добрыми людьми в лучшем смысле этих слов. Из их небольшого домика на Красной горе на окраине Устюга открывался красивый вид города и долины за ним. Дом был непритязателен, но замечательно удобен внутри. Маленький палисадник и огород на заднем дворе делали его еще более симпатичным. Доброта, согласие и гармония во взаимоотношениях моих родственников каким-то образом передалась и всей атмосфере дома”.²

У своих родственников и жил Питирим весной и летом 1909 года, когда, проучившись уже около двух лет на Черняевских общеобразовательных курсах и приняв участие вместе с крупным ученым и писателем, просветителем народа коми Каллистратом Фалалеевичем Жаковым (1866-1926) в экспедиции по изучению Печорского края (фактически работавшей на реках Сыsole и Вычегде), приехал в Устюг, чтобы сдать экстерном экзамены за гимназический курс.

“Время, проведенное в Устюге до и особенно после экзамена, - вспоминал Сорокин, - оказалось полезным и интересным... Я установил тесную дружбу со многими учениками и взрослыми горожанами. Некоторые из учеников гимназии, например: Петр Зепалов, Василий Богатырев и другие, стали моими друзьями на всю жизнь, до тех пор, пока одни из них не погибли, а другие не исчезли во время коммунистической революции”.³ С Петром Зепаловым Сорокин встретится в последний раз поздней осенью 1918-го в устюжской тюрьме. Там же он узнает о расстреле старого товарища чекистами за попытку перейти фронт... Зепалову будет посвящена

вышедшая в 1920 г. двухтомная сорокинская “Система социологии”.

“После первого длительного посещения Устюга я приезжал туда несколько раз в последующие годы. Как и Римья, Великий Устюг стал одним из главных мест, где я отдыхал, учился и занимался революционной деятельностью,”⁴ - продолжал вспоминать ученый. Об одном из этих приездов, а именно летом 1911 года, свидетельствует слабо известный до недавнего времени исследователям источник - дорожные заметки Питирима Сорокина, вышедшие под названием “Пестрое кружево”. Написаны они были во время путешествия молодого социолога в Удорский край с целью этнографических исследований и опубликованы в газете “Вологодский листок”, в номерах от 19, 21, 26 июня, 26 июля, 6, 9, 17, 21, 28 августа, 2, 4, 6 и 11 сентября 1911 г. Великому Устюгу посвящены первый (частично), второй и третий выпуски заметок. В предварении начала первого выпуска Сорокин с юмором разъясняет свой творческий подход к написанным в полуфельетонном жанре заметкам: “Коли смешно - посмеюсь, коли грустно - погрущу, а может быть, кой-где и в “сурьезность” пушусь... Да и жизнь-то сама, читатель, разве не так многолика и разногранна? И она, ведь, нестройна, как “русская действительность”, бессистемна, как г. Вологда, и пестра, как “шахмаченое” одеяло устюжан!”⁵

Коротко остановимся на событиях в жизни Питирима Сорокина, предшествовавших поездке в Устюг и на Удору летом 1911 года. В том же 1909 году, после сдачи экзаменов и получения аттестата, открывшего ему путь к высшему образованию, Сорокин возобновляет свое участие в Печорской экспедиции. Результатом являются его первые научные статьи по этнографии коми-зырян. Проучившись год в Санкт-Петербургском психоневрологическом институте, где лекции по социологии читали ученые с мировыми именами М.М. Ковалевский и Е.В. Де-Роберти, ставшие затем любимыми учителями Сорокина и оказавшие на него большое влияние, он перевелся на юридический факультет Санкт-Петербургского университета. На летние каникулы 1910 г. Питирим вновь поехал в Устюг и Римью.

“Там, - вспоминал он, - вместе с друзьями и родственниками я отдыхал, помогал тете Анисье на сенокосе и уборке хлеба и начал полевые исследования форм брака и семейной жизни коми-народа. Для выполнения этого исследования я должен был посетить несколько сел, где работал прежде с отцом и братом. Знакомый пейзаж все еще не испорченной природы, теплая компания старых друзей.

сельскохозяйственный и научный труд - все это хорошо освежило меня, уставшего от городской жизни. То лето было действительно счастливым и плодотворным”.⁶

В начале 1911 года П.Сорокин, будучи членом партии социалистов-революционеров и одним из зачинщиков студенческих волнений, с трудом избежал ареста, а затем на некоторое время выехал за границу. Это временное отсутствие в самые горячие дни волнений избавило его от исключения из университета, но стипендии, которую прежде он имел за успехи в учении, Сорокин лишился.

В таких условиях начались для питерского студента-юриста очередные каникулы. Выехав в начале 1911 года из Петербурга в Вологду, Сорокин, по-видимому, повидался здесь со знакомыми (кстати, летом 1911 года в Вологде находилось немало сосланных за участие в волнениях питерских и московских студентов, в том числе и однокурсников Питирима) и зашел в редакцию “Вологодского листка”, чтобы договориться о печатании дорожных заметок. Кроме прочих резонов, литературный гонорар лишенному стипендии Сорокину был крайне необходим. А замолвил “о бедном студенте” слово в редакции скорее всего принимавший деятельное участие в его судьбе К.Ф. Жаков, читавший в те дни лекции в Вологде и печатавший на страницах газеты свои рассказы. Впрочем, определенным научным авторитетом Сорокин обладал уже и сам.

Разговоры зажиточных мужиков в буфете отчалившего от вологодской пристани парохода “Преподобный Зосима” о выходе из общины и нарезке земли по столыпинскому аграрному закону сменялись в “Пестром кружеве” поэтичным описанием Великого Устюга и сатирическими картинами быта устюжан, а затем шел обстоятельный разговор о культуре и современной жизни коми-зырян... Его содержание перекликалось с темами первых статей Сорокина: “Историко-статистический очерк зырян”, “Пережитки анимизма у зырян”, “К вопросу об общине у зырян” и др. Кстати, одна из последних статей этого “зырянского цикла” несколькими годами позже увидела свет в Вологде, в “Известиях Вологодского общества изучения Северного края”. Осенью 1915 года председатель редакционной комиссии общества Владимир Николаевич Трапезников, вологодский адвокат, политический деятель и краевед, давний знакомый Сорокина и первый в Вологде владелец его первой капитальной научной книги “Преступление и кара, подвиг и награда” приступил к подготовке очередного, третьего выпуска “Известий”. Тогда-то и получил он от готовившего магистерскую

диссертацию Сорокина письмо, обнаруженное в наши дни в архиве Вологодского музея краеведом А.В. Быковым:

“Многоуважаемый Владимир Николаевич.

Когда Вы думаете выпустить 3 сборник? Если в январе или феврале, то я бы дал статью “История религиозных верований зырян в свете современной науки”.

Если раньше, то едва ли удастся.

Крепко жму руку. Ваш П. Сорокин.

*P.S. Думаю, кой-что удастся получить и от К. Жакова».*⁷

Упомянутая статья действительно была опубликована, но не в третьем, а в четвертом выпуске “Известий ВОЙСК” (1917 г.). Автограф письма, хранившийся в фонде ВОЙСК, ныне помещен в экспозицию Вологодского музея-заповедника.

... Август 1911 года Сорокин провел в Устюге, активно участвуя в культурной жизни города. Он читает устюжанам лекции. Подступы к “Преступлению и каре...” еще впереди, а пока молодого социолога волнует тема исторического прогресса, ей он, кстати, окажется верен до конца своих дней. Эта тема проходит, где иронически, где серьезно, через “Пестрое кружево”. Не случайно упоминание в его тексте труда одного из основоположников современных Сорокину теорий прогресса Герберта Спенсера “Основные начала”; на эту же тему вот-вот выйдут в серьезных научных журналах статьи Сорокина. И лекции - об этом. Мелькают в них имена Спенсера, О. Конта, Н.К. Михайловского, П.Л. Лаврова, Е.В. Де-Роберти, преподносятся их теории, звучат латинские термины. Обилие последних и контраст ученой манеры лектора с его возрастом вызвали иронический отзыв “Вологодского сатирика”:

Костюм, манеры - денди истый!

Чело сурьезно, слог цветистый,

Познаний...так сказать, у ш а т...

И все же верен я привычке

(Простит мне л е к т о р здесь кавычки)

“Считать по осени ц ы п л я т”⁹

Быть может, эта беззлобная, в общем-то, эпиграмма пришла

Сорокину на память, когда уже при большевиках официозным баснописцем Демьяном Бедным была сочинена на него другая, тоже на “птичью” тему, но возвещавшая недоброе:

Пити-пити-Питирим,
Питирим, питим-питим.
Ах, Сорока-белобока,
Как высоко мы летим.¹⁰

Тогда уж действительно летел он “высоко”; вышли в свет два тома из задуманной Сорокиным многотомной “Системы социологии”, сразу же заставив говорить о себе и об авторе. А выйти им было не так-то просто...

Он вернулся в Петроград в самом конце 1918 года. Позади были страшные недели в устюжской тюрьме. Его, приват-доцента Петроградского университета и члена Учредительного собрания от Вологодской губернии, и не расстреляли в местной ЧК; судьба хранила Сорокина для блестящей научной карьеры. Не только судьба, но и друзья студенческих лет, ставшие большими комиссарами (все они будут расстреляны в 1937 году, а Сорокин в своем изгнании переживет их на тридцать с лишним лет): Элиава - в Вологде, Карахан и Пятаков - в Москве... Пропала квартира, имущество, книги, рукописи. Осталась жажда научного творчества, планы давно задуманной большой работы...

В университетской столовой Сорокин встретил давнего друга, руководителя кооперативного книжного издательства “Колос” Ф.И. Седенко (литературный псевдоним Петр Витязев). Когда-то от него, своего однокурсника, попавшего после тех же студенческих волнений в вологодскую ссылку, получил Сорокин письмо; между ними завязалась переписка. Позже, году в 1915-м, часто встречались в Петрограде, сотрудничали в одних и тех же журналах, поддерживали связь с ВОИСК, членами-корреспондентами которого оба были избраны...

“В наших обстоятельствах, - говорил теперь Витязев-Седенко - откладывать что-либо на потом - просто глупо. Сегодня ты жив, завтра - мертв. Лучше опубликовать нужную книгу даже с некоторыми дефектами, чем ждать неизвестно чего. Немедленно приступай к своей “Системе”, и я опубликую ее.”¹¹

Лишь благодаря мужеству и находчивости Витязева, издательских и типографских работников удалось издать два тома в обстанов-

ке, когда, по словам Сорокина, “без визы коммунистической цензуры нельзя было напечатать простой визитной карточки или таблички с надписью “Выход””.¹² Сыграло роль, правда, и близкое знакомство Витязева - опять-таки по вологодской ссылке - с первым руководителем Госиздата Вацлавом Воровским. Спohхвaтившиcь, власти распорядились конфисковать тираж, но почти весь он за две-три недели был распродан.

Второй том “Системы социологии” с дарственной надписью издателя сохранился в Вологодской областной библиотеке... Монография Сорокина была оценена современниками как выдающееся произведение русской социологической школы. Но судьба ее автора в Советской России была уже решена. Незадолго до своего отъезда по болезни в Горки, в мае 1922 г., В.И. Ленин, назвавший при этом группу ученых - сотрудников журнала “Экономист”, к числу которых принадлежал Сорокин, “законнейшими кандидатами на высылку за границу»,¹³ инструктировал Ф.Э. Дзержинского:

“Собрать с и с т е м а т и ч е с к и е сведения о политическом стаже, работе и литературной деятельности профессоров и писателей. Поручить все это толковому, образованному и аккуратному человеку в ГПУ””.¹⁴

Высылка в том же году за границу под страхом смертной казни за возвращение была для Сорокина далеко не худшим исходом. Тем более что первое же, как он вспоминал, дошедшее из России письмо сообщало: “Наша бабушка (т.е. ЧК) очень сожалеет, что позволила вам уехать без ее последнего и вечного благословения (т.е. не расстреляв нас)””.¹⁵

Написав свои замечательные книги и создав научную школу, профессор Гарвардского университета Питирим Сорокин приобрел мировую известность. Лишь на родине о нем знали как об отрицательном персонаже двух-трех ленинских статей. После долгих десятилетий непризнания и забвения труды Сорокина переиздаются теперь и в России. В Москве под названием “Дальняя дорога”, а в Сыктывкаре - “Долгий путь” вышли в свет переводы его читающейся, как увлекательный роман, автобиографии. А где-то в начале долгого пути было “Пестрое кружево”.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сорокин Питирим. Дальняя дорога: Автобиография. - М. - 1992. - С. 17.
2. Там же. - С.50-51.
3. Там же.
4. Там же. - С. 51.
5. Вологодский листок. - 1911. - 19 июня.
6. Дальняя дорога. - С.55.
7. Научный архив ВГИАХМЗ, фонд ВОЙСК, д. 3, л.73.
8. Вологодский листок; 1911. - 31 авг. 1911 г.
9. Там же.
10. Голосенко И.А. Питирим Сорокин: судьба и труды. Сыктывкар, 1991. - С.145.
11. Дальняя дорога. - С.128.
12. Там же. - С. 69.
13. Ленин В.И. Полн. собр. соч. - Т.54. - С.266.
14. Там же. - С. 265.
15. Дальняя дорога. - С.144.